

К ВОПРОСУ О ПОЛИТИКЕ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА В ОТНОШЕНИИ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В 1920 – 30-е гг. (по материалам архивов Могилевской области)

В статье на основе анализа документов государственных архивов Могилевской области, а также некоторых других документальных источников анализируются меры и последствия экономического и идеологического давления на православную церковь в БССР в 1920 – 1930-е гг.

Введение

Положение Русской православной церкви в дореволюционной России определялось не только ее численным превосходством над другими конфессиями, духовным и научным потенциалом, но и, в значительной степени, имевшимися в ее распоряжении материальными средствами и, безусловно, покровительством и поддержкой государственной власти.

Материальные богатства православной церкви были весьма значительными и включали, прежде всего, церковные и монастырские земли с находившимися

на них домами, дворами и подворьями, хозяйственными строениями, постоянными дворами, лавками, харчевнями, лесами, сенокосами и т.д. По данным Св. Синода и Центрального статистического комитета, в 1900 г. в европейской России православным церквям принадлежало около 1 696 558 десятин земли. Монастыри владели 451 971 десятиной удобной и 69 839 неудобной земли [1, с. 28-29]. Только в Могилевской губернии за период с 1877 по 1905 г. земельные владения церкви выросли с 27 430 до 30206 десятин, а монастырские – с 3 717 до 6 192 десятин. За это же время личные частные владения православного духовенства увеличились в 1,17 раза и составили 3 583 десятины при среднем размере владения в 51,2 десятины по губернии и 58 десятин по Могилевскому уезду [2, с. 35, 42].

Следует иметь в виду, что православная церковь располагала и другими богатствами. К их числу следует отнести редчайшие предметы старины, книги, иконы, дарохранилища, подсвечники, раки для святых мощей, митры, облачения и т.д. Св. Синод, иерархи и многие монастыри обладали большими капиталами. Капиталы Св. Синода с 1851 г. по 1891 г. выросли с 4 089 553 до 11 650 211 рублей, а капиталы Духовно-училищной комиссии – с 17 769 650 до 25 956 485 рублей.

Кроме того, около 1,5% государственного бюджета Российской империи направлялось на субсидии православной церкви. И если процент отчислений во второй половине XIX в. практически не менялся, в абсолютном выражении суммы субсидий выросли. Для сравнения: в 1850 г. они составляли 3 804 299 рублей, а в 1897 г. – уже 19 805 700 рублей [3, с. 256-257].

Основная часть

После Октябрьской революции государственно-конфессиональные отношения принципиально изменились, что привело к существенным изменениям в положении всех конфессий, в том числе православной. Наступление на православную церковь в 1920 – 1930-х гг. осуществлялось по трем основным направлениям: идеологическому, экономическому и посредством вмешательства во внутрицерковную жизнь. Политическое руководство страны рассматривало православную церковь как идеологического противника, располагающего значительным экономическим потенциалом, и последовательно не только минимизировало пропагандистские возможности духовенства, но и осуществляло целый комплекс мер, максимально ограничивающих экономическую и хозяйственную деятельность церкви.

Уже 25 октября 1917 г. в соответствии с декретом “О земле” в перечень безвозмездно отчуждаемых и обращаемых “во всенародное достояние” были включены монастырские и церковные земли [4, с. 25]. С января 1918 г. прекращалась выдача государственных средств на содержание церкви. Службы в церквях могли продолжаться в случае, если верующие ходатайствовали об этом и брали на себя обязательства по их содержанию [5, с. 13]. Церковные и религиозные общества лишались права собственности и прав юридического лица. Передача им в пользование зданий и принадлежностей осуществлялась по особым постановлениям органов центральной или местной власти [6, с. 5-6]. Ограничивалось и землепользование священнослужителей. По закону они могли получить только землю, которую обрабатывали. Однако в случае, если на землю одновременно претендовали священнослужитель и сельский житель, последний имел преимущество [7, с. 2].

В 1920 – 1930-е гг. при закрытии церквей местные власти широко использовали формулировки: “для культурных нужд населения”, “на основании ходатайства населения”, нередко ссылались на ветхость зданий. Так, в списке культовых зданий города Могилева, подлежащих в 1930 г. обязательному страхованию, названы восемь церквей: Могилевский собор, церковь Трех Святителей, Троицкая, Воскресенская, Успенская, Петропавловская, Николаевская и Покровская. При каждой из них действовала кладбищенская церковь [8, л. 7]. Но уже в 1934 г. Могилевский собор был закрыт и передан под клуб рабочим хлебозавода, церковь Трех Святителей – железнодорожникам, Воскресенская – под клуб “Красный механик” [9, с. 119].

16 апреля 1936 г. Могилевский райисполком, ссылаясь на ходатайство населения Браковского и Польшковичского сельских советов, передал местные церкви “на культурные нужды” [10, л.132]. Могилевский горсовет в постановлении № 137 от 7 мая 1936 г. предписывал закрыть Покровскую церковь, передав одну часть ее имущества “заинтересованным организациям”, а другую – Могилевскому РАЙФО для реализации.

В 1938 г. была закрыта и перепрофилирована “для культурных нужд населения” церковь в деревне Княжицы. Президиум Могилевского райисполкома ссылался на решение общего собрания с участием 1479 жителей, 1250 из которых потребовали закрыть церковь [11, л. 10]. 8 июля 1939 г. со ссылкой на ветхость были закрыты церкви на Луполовском кладбище. Насколько реальной была ветхость, можно судить по тому, что помещения церквей передавались Могилевскому отряду ПВО под склад [12, л. 72].

Существенно ослабили экономические позиции православной церкви и кампании 1920 – 1930-х гг., связанные с конфискацией церковного имущества. Первая из них проводилась в пользу голодающих в 1922 г. Вторая – во время хлебозаготовительного кризиса 1928 г. и последующей коллективизации. В первой половине 1930-х гг. осуществлялось изъятие и переплавка колоколов для обеспечения цветными металлами промышленности и транспорта. Только для оказания помощи голодающим, по сведениям Центральной Белорусской комиссии, у церкви было конфисковано более 21 золотника золота, 30 пудов серебра, 45 бриллиантов (29-32 карат), более 33 фунтов медных монет, 52 драгоценных камня [13].

Действенным средством экономического давления на православную церковь в 1920 – 1930-е гг. являлась и налоговая политика. В Государственном архиве Могилевской области находится декларация священнослужителя П.Т. Януковича. В 1930 г. он переехал в д. Голени Могилевского района из Киево-Печерской лавры. Поскольку приход был отнесен к числу зажиточных, он облагался налогами. За год П.Т. Янукович должен был заплатить 871 рубль налогов. При этом его годовой доход составлял всего 360 рублей [14, л. 23].

В соответствии с постановлением ЦИК БССР “О порядке обложения денежными налогами служителей культа и молитвенных зданий” (1937 г.), священнослужители приравнивались к лицам, имеющим нетрудовые доходы. В 1937 г. (до закрытия) Польшковичская церковь Могилевского района выплатила 185 рублей земельной ренты и 104 рубля 88 копеек налога за здание; Княжицкая церковь – 17 рублей 7 копеек и 835 рублей 8 копеек; Браковская – 17 рублей и 145 рублей 2 копейки [14, л. 3-4].

Победа социализма связывалась в теории и практике правящей большевистской партии в том числе и с утверждением в сознании трудящихся марксистс-

ко-ленинской идеологии, а следовательно, с преодолением религиозно-идеалистического мировоззрения. При этом в программных документах партии, законодательных актах, решениях съездов, конференций и собраний партийных, комсомольских, профсоюзных и других общественных организаций не только декларировалась несовместимость научно-материалистического мировоззрения и религии, но и признавалось право граждан на свободу вероисповедания, недопустимость каких бы то ни было преследований на религиозной почве. Однако процесс претворения в жизнь идеологии марксизма-ленинизма в отношении религии был противоречивым и неоднозначным. Чаще всего руководством к действию для властей всех уровней служил тезис о том, что “всякая попытка контрреволюционной пропаганды под видом религиозной проповеди должна пресекаться” [15, с. 114].

Важное место в борьбе “по чистке интеллекта взрослых, а особенно подрастающего поколения от религиозных предрассудков” отводилось антирелигиозной пропаганде [16, с. 83]. Уже в первой половине 1920-х гг. планомерная и настойчивая пропаганда атеизма проводилась в школах для взрослых, воскресных университетах, кружках, клубах. Особое значение власти придавали антирелигиозной пропаганде среди подрастающего поколения. Примером может служить задача, поставленная в апреле 1924 г. властями Мстиславского района Могилевской губернии перед руководителями школ и уполномоченными народного образования волостей: “Школьным работникам, в большинстве случаев, единственным культурным силам в деревне, надлежит стремиться изжить религиозные предрассудки среди населения и воспитать в этом духе и посещающих школу детей” [17, л. 71].

С 1925 г. антирелигиозное движение было организовано во всесоюзном масштабе посредством объединения всех атеистически настроенных сил в “Союз безбожников”, переименованный в 1929 г. в “Союз воинствующих безбожников” (СВБ). В соответствии с постановлением ЦК КП(б) в БССР Бюро по созданию СВБ было образовано 30 марта 1926 г. К 1932 г. республиканский Союз объединял 217, 2 тысячи человек, в том числе 102 тысячи юных безбожников [16, с. 274; 18, с. 175].

Могилевское окружное Бюро Союза “Безбожник” было создано 27 марта 1926 г. Решением коллегии агитационно-пропагандистского отдела Могилевского окружного комитета КП(б) в его состав были включены: “от Партишколы – тов. Переход, от Польсекции – тов. Клеер-Гейне, от ОК – тов. Вацлавский, от Подива 33 – тов. Суриков, от Евсекции – тов. Бунимов” [19, л. 15].

В первое время работа окружного совета “Безбожник” велась слабо, в том числе и вследствие недостаточного внимания к ней со стороны райкомов партии. Только с лета 1926 г. стали создаваться новые ячейки СВБ в городе Могилеве, начали работу два антирелигиозных семинара. В октябре 1926 г. Могилевский окружной комитет КП(б), определяя направления антирелигиозной работы, обратил внимание на необходимость усиления этой работы в городе и особенно в деревнях. Ставилась задача обеспечения городских и сельских кружков программами и литературой. Подчеркивалась необходимость учета всех “антирелигиозных сил” города Могилева и районов с тем, чтобы привлечь их к руководству кружками и к лекторской работе [20, л. 183]. К концу 1920-х гг. в Могилевском округе было создано около 80 ячеек СВБ, в том числе 20 в городе и 60 – в деревнях. Могилевский районный совет СВБ на 15 июня 1929 г. состоял из 48 ячеек: 17 производственных,

17 школьных, 6 воинских, 8 юных безбожников (пионерские отряды при организациях).

Подготовкой руководителей кружков и лекторов занимались специально созданные одногодичные семинары при педагогическом техникуме и политпросветтехникуме, а также семинар с четырехмесячной программой занятий при агитационно-пропагандистском кабинете. Вопросы антирелигиозной пропаганды были включены и в программы курсов партийного актива и сельских учителей. Для обслуживания антирелигиозных кампаний, проведения диспутов, чтения лекций в городе Могилеве было организовано лекторское бюро в составе 50 “пропагандистов-антирелигиозников” [21]. Кроме работы курсов, кружков, семинаров, чтения докладов и лекций в Могилевском округе по указанию Центрального Совета СВБ БССР проводился сбор средств на строительство подводной лодки “Воинствующий безбожник”. С этой целью местными ячейками была организована продажа специальных марок [22, л. 2].

В справке в отдел пропаганды и агитации ЦК КП(б)Б от 24.04.1929 г. “О состоянии антирелигиозной работы в Могилевском округе” приводятся данные и об исследовательской работе по состоянию сектантского движения и о подготовке книги по этой проблематике работниками политпросветтехникума. Представитель журнала “Антирелигиозник” по Могилевскому округу, комсомольские и профсоюзные организации занимались распространением атеистической литературы. Всего в 1928 – начале 1929 гг. было закуплено и разослано по городу Могилеву и районам атеистической литературы на 800 рублей.

На радио, в газете “Коммунар Могилевщины” приводились материалы о смотрах антирелигиозной работы, лучших организациях и выступлениях активистов СВБ. В связи с 15-летием СВБ Бюро Могилевского обкома КП(б)Б 13 мая 1940 г. приняло специальное постановление (с грифом строго-секретно), обязывающее включиться в активную антирелигиозную работу советские, комсомольские, профсоюзные организации, учителей, врачей, агрономов, научных работников. Горкомам и райкомам партии предлагалось рассмотреть отчеты о работе советов СВБ на ближайших заседаниях [23]. По неполным данным, к концу 1930-х гг. в Могилевской области насчитывалось 529 ячеек СВБ (17028 человек), в городе Могилеве – 100 ячеек (6208 человек) [24, л. 17-18].

Вместе с тем анализ протоколов Бюро Могилевского обкома КП(б)Б, отдела пропаганды и агитации, протоколов ячеек СВБ свидетельствует о том, что и в 1920-е, и в 1930-е гг. антирелигиозная работа была организована и проводилась недостаточно последовательно и эффективно. Она, как правило, активизировалась накануне отчетно-выборных кампаний, перед религиозными праздниками или в связи с признанием ее слабой и неудовлетворительной.

В справке “О состоянии антирелигиозной пропаганды в Могилевской области”, подготовленной к заседанию Бюро обкома партии (1939 г.), констатировалось, что “состояние антирелигиозной работы в области крайне неудовлетворительное”. К заседанию были проверены организации СВБ в Кричевском, Климовичском, Дрибинском, Осиповичском, Горецком, Чаусском, Хотимском, Краснопольском и Могилевском районах, гг. Могилеве и Бобруйске [24, л. 16-18].

Среди характерных для антирелигиозной пропаганды в целом недостатков в документах архивов чаще других называются формализм в работе руководства, нерегулярное проведение заседаний райсоветов СВБ, отсутствие актива и учета

членства в ячейках. Отмечается также, что лекции и доклады на антирелигиозные темы читались преимущественно накануне религиозных праздников, а контроль за их уровнем осуществлялся слабо. Недостаточно активно велась работа непосредственно на предприятиях, в организациях и колхозах.

Заключение

Таким образом, самый общий анализ советского законодательства, регулирующего политику государства в отношении православной церкви, а еще в большей степени анализ основных направлений правоприменительной практики местных органов власти в 1920 – 1930-х гг. в целом в БССР и на Могилевщине в частности позволяют сделать вывод о том, что в результате реализации на практике советской модели конфессиональной политики экономические основы православной церкви были фактически подорваны. Усиливающееся идеологическое давление и антирелигиозная пропаганда, дополненная репрессиями, также способствовали тому, что как социальный институт православная церковь фактически перестала существовать. Перед войной в БССР остались лишь две действующие церкви.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. *Шавельский, Г.* Русская церковь пред революцией / Г. Шавельский. – М. : Артос-Медиа, 2005. – 510 с.
2. Статистика землевладения 1905 г. Выпуск XIII. – Могилевская губерния / Центральный статистический комитет МВД. – С.-Петербург, 1906. – 50 с.
3. *Назаров, А.А.* Экономика и религия Российской империи / А.А. Назаров. – М. : Парадиз, 2006. – 287 с.
4. *Ленин, В.И.* Полное собрание сочинений : в 55 т. / В.И. Ленин. – 5-е изд. – М. : Политиздат, 1974. – Т. 35. – 599 с.
5. *Калинин, В.Н.* Советское законодательство о свободе совести и религиозных организациях / В.Н. Калинин. – Москва : Политиздат, 1989. – 64 с.
6. Научно-справочная библиотека Государственного архива Могилевской области (ГАМО) // Сборник законов СССР. – 1924. – № 8 (31 августа).
7. Научно-справочная библиотека ГАМО // Сборник законов СССР. – 1925. – № 7 (3 марта).
8. Государственный архив Могилевской области (ГАМО). – Фонд 54. – Оп. 1. – Д. 13.
9. *Пушкін, І.А.* Як зачынялі царквы ў Магілёве / І.А. Пушкін // Магілёўская даўніна. – 1996. – С. 17-21
10. ГАМО. – Фонд 219. – Оп. 1. – Д. 172.
11. ГАМО. – Фонд 9. – Оп. 1. – Д. 212.
12. ГАМО. – Фонд 11. – Оп. 1. – Д. 132.
13. См.: Канфесіі на Беларусі (к. XVIII – XX ст.) / В.В. Грыгор'ева [і інш.] ; навук. рэд. У.І. Навіцкі. – Мінск : Экаперспектыва, 1998. – С. 159–163, 168–171; *Поспеловский, Д.В.* Русская православная церковь в XX веке / Д.В. Поспеловский. – Москва, 1995. – С. 163; *Янушэвіч, І.І.* Партыйно-государственные структуры, религия, церковь (1917 – 1928 гг.) / И.И. Янушэвіч // Гісторыя: праблемы выкладання. – 2000. – № 2. – С. 49.
14. ГАМО. – Фонд 54. – Оп. 1. – Д. 10.
15. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК : в 15 т. / под общ. ред. А.Г. Егорова, К.М. Боголюбова. – М. : Политиздат, 1983. – Т. 2. – 606 с.
16. Русская православная церковь и коммунистическое государство (1917 – 1941). Документы и фотоматериалы / Институт Российской истории РАН ; под общ. ред. Я.Н. Шапова. – Москва : Издательство Библейско-Богословского Института св. апостола Андрея, 1996. – 352 с.
17. ГАМО. – Фонд 129. – Оп. 1. – Д. 15.
18. Канфесіі на Беларусі (к. XVIII – XX ст.) / В.В. Грыгор'ева [і інш.] ; навук. рэд. У.І. Навіцкі. – Мінск : Экаперспектыва, 1998. – 340 с.

19. Государственный архив общественных объединений Могилевской области (ГАООМО). – Фонд 6577. – Оп. 1. – Д. 417.
20. ГАООМО. – Фонд 6577. – Оп. 1. – Д. 148.
21. См.: ГАООМО. – Фонд 6577. – Оп. 1. – Д. 850. – Л. 26; ГАМО. – Фонд 131. – Оп. 1. – Д. 1. – Л. 221.
22. ГАМО. – Фонд 131. – Оп. 1. – Д. 3.
23. См.: ГАООМО. – Фонд 6577. – Оп. 1. – Д. 850. – Л. 26; Фонд 9. – Оп. 1а. – Д. 146. – Л. 118.
24. ГАООМО. – Фонд 9. – Оп. 4а. – Д. 42.

Поступила в редакцию 16.03.2010 г.